

«ОН ОТЧАЯННО волновался, учитель. Он сел за рояль, поставил руки на клавиши, как оркестрант, который боится пропустить момент вступления, и не спускал глаз с дверей. Прозвенел звонок, дети появились в дверях, учитель начал играть». Это — из очерка «Урок Кабалевского», опубликованного в «Комсомольской правде» в 1974 году. Тогда прославленный наш композитор пришел учителем в первый класс обычной московской 209-й школы, чтобы превратить уроки пения в уроки музыки и выработать программу этих новых уроков, пригодную для всех школ, для всех учителей и всех детей.

И вот прошло шесть лет. Учитель Кабалевский за это время отметил свой 75-летний юбилей, но так же садится он за рояль, и точно так же входят дети, только теперь они семиклассники. В один из последних дней учебного года состоялся в Москве, на Нижней Масловке, в той же самой 209-й школе, необъявленный в афишах, но тем не менее примечательный концерт, концерт-событие. Если такие уроки-концерты будут постоянно происходить во всех школах, то филармонические залы наши будут всегда переполнены. А для музыкальной культуры народа важны не только искусные музыканты, выпускники музыкальных школ, но также искусные слушатели, выпускники школ обычных.

ЭТО был не обычный показательный урок, какие дают повсюду. Уроки-отчеты, уроки-концерты в конце каждого учебного года заложены в новую программу: искусства нет вне публичного выступления. Ученики Кабалевского пели хором, отвечали на вопросы учителя и решали маленькие музыкальные задачи, показывая родителям и гостям, чему они научились, что умеют теперь. Между прочим, такой открытый для родителей, шефов и гостей отчет без отметок было бы, наверно, полезно проводить и по другим предметам — и учителю хочется показывать плоды своего труда, и детям. Как изменились ребята за год? За два года? За шесть лет? Сколько они глядясь сегодня в подrostков, никак не найдешь среди них ту Катю, которая первоклашкой играла на уроке в четыре руки с Кабалевским. Выросли, стали сдержаннее, не так тянут руки, как было: «Меня спросите! Ну меня же!» Теперь они долго думают перед ответом, поднимают руки неуверенно и чаще ошибаются. Хорошо! Безошибочные ответы восхищают на уроке математики, а если тебя спрашивают о характере музыкального образа, то быстрый и точный ответ был бы неприятен. Нет, сосредоточенное, спокойное размышление и нотки сомнения в голосе... Все начинают со слов «Мне кажется... Я думаю...» — «Я думаю, что это музыка нашего века...», «Я думаю, это Прокофьев...»

«Я думаю...» Записать бы во все методики: результат учения можно признать удов-

летворительным в том и только в том случае, если ученики начинают отвечать со слов «Я думаю...»

— А сколько частей в этой песне, как, по-твоему? — спрашивает учитель.

— Наверно, две... — размышляя, вслушиваясь в звучащую в нем музыку, негромко говорит ученик и добавляет, помолчав: — Мажорная и минорная...

Двор перед школой заставлен персональными машинами, крупнейшие специалисты сидят в зале, заместители двух министров просвещения... Кинооператоров и фотокорреспондентов, кажется, не меньше, чем детей, — а дети отвечают тихо, неброско, небойко, с видимым затрудне-

мента. Он утверждает истину, за которую другим учителям еще предстоит бороться и бороться: возбуждение любви к предмету обучения есть первая задача обучения, «а все остальное должно быть подчинено этой задаче».

Но Кабалевский отличается от других людей, высказывающих драгоценные мысли, тем, что умеет добиться признания своей правоты и осуществления своих идей. Разработанная им программа для первых — третьих классов вместе с объявленной выше целью ее принята в качестве государственной, обязательной для всех школ Российской Федерации. Проверяется, уточняется и, надо надеяться, в конце концов будет принята

роднило детей с музыкой. Сегодня, на уроке Кабалевского в седьмом классе, просматриваются те же методические принципы, последовательно проведенные с начала обучения. Учитель предлагает ребятам один музыкальный отрывок за другим, то в записи, то в собственном исполнении, и спрашивает, какая это музыка: серьезная или легкая?

Поначалу кажется, что спор чисто терминологический. Но потом замечаешь, сколько музыки и какой разнообразной прослушали ребята, отвечая на этот простой вопрос! На уроках Кабалевского, кроме классики всех видов, звучат и ранние Биттлз, и Луи Армстронг, и современные советские композиторы. И, стара-

Дети Кабалевского

нием и далеко не все. По неписаным стандартам — это проваленный урок. В любой школе после такого открытого урока учительница рыдала бы, а директор молча удалился бы в кабинет писать приказ о выговоре. При таких гостях? Такое несовершенство?

Но, повторюсь, в этом кажущемся провале и была победа учителя. Когда один из учеников назвал имя автора исполнявшейся музыки неожиданно быстро, Дмитрий Борисович повернулся к гостям и смущенно объяснил, что этот отрывок уже исполнялся, произошла маленькая ошибка. Неудачей здесь считается мгновенный ответ! Музыка на уроках Кабалевского не превратилась в «предмет», который можно разобрать на части, как заводную игрушку, вытащить пружину и оторвать колесики; музыка парит здесь, она остается музыкой и после всех анализов и разборов. Дети на этом уроке-концерте отчитывались не ответами, а видимым интересом к музыке.

ТАКОЙ и была цель композитора. Перед началом урока, до того, как дети вошли в зал, Д. Б. Кабалевский объяснил:

— Главная задача — увлечь ребят музыкой, сделать так, чтобы они полюбили ее, заинтересовались ею, а все остальное должно быть подчинено этой задаче.

Сегодня, пожалуй, редкий учитель физики, географии и даже литературы осмелится вот так определить свою задачу, а если осмелится, то его тут же скорее всего и одернут: не зарывайся! Интерес, считается, не может быть главной задачей. Знания, умения, убеждения! Как будто знания, умения и тем более убеждения могут появиться у не заинтересованного своей работой ребенка. Интерес и знания неразрывны, незачем противопоставлять их, но путь к знаниям лежит через интерес, искусно возбужденный учителем.

Значение работы Кабалевского, как видим, далеко выходит за рамки одного пред-

и программа для следующих классов. И уже несколько лет отработывает примерно такую же программу по рисованию — по изобразительному творчеству — художник Б. М. Неменский, которого увлек пример Кабалевского.

Составитель школьных программ — программист будущего, он должен быть специалистом высокого, высочайшего класса. От того, какие идеи, цели заложены в школьную программу, какой материал отобран для изучения, с каким поворотом он подается, зависит развитие наших детей, их мировоззрение и мироощущение. Огромной важности дело! И вот, очевидно, лучший способ выработки новых программ: крупный специалист, ясная его идея, серьезная помощь органов народного образования.

Программа, как и учебник, как и урок, не может быть безликой, обезличенной; у нее должен быть автор, в ней должны чувствоваться темперамент, характер, воля. Чтобы учитель, готовясь к уроку, общался не с бумагой-программой, а с человеком, с личностью! Тогда и урок его будет человеческим.

ЧАСТО раздаются голоса: «Да хватит разбирать на уроках литературы идеи и образы! Надо, чтобы ребята просто любили читать!»

Просто... Просто даже обыкновенной грамоте не научить, не только чтению серьезных книг и слушанию Моцарта. Просто научить любви к книгам, музыке, живописи, театру школа не умеет и, думаю, никогда этому не научится. На все нужен свой прием, свой метод. Кабалевский нашел его: не обязательно разбирать музыку, но обязательно разбираться в ней... Шесть лет назад на его уроках первоклашки, слушая музыку, отыскивали в ней элементы танца, песни или марша — знаменитые теперь «три кита» Кабалевского. Они слушали музыку активно! Каждое музыкальное произведение возникало перед ними и как задача, которую надо решить. Собственное душевное и умственное усилие и

ясь ответить на вопрос, ребята внимательно слушают музыку. Их не заставляют слушать («Коля! Сиди тихо! Имей уважение к Бетховену, если уж ты меня не уважаешь!») — хитрым вопросом и ловким приемом их вовлекают в слушание музыки. Анализ — не ради анализа и умения анализировать, а ради слушания музыки. Вроде бы разговоры; но присмотримся — из сорока пяти минут урока не менее тридцати отдано чистой музыке, которую ребята слушают с напряженным вниманием. Вот это и есть принцип увлечения, завлечения, заворачивания. Программа без метода ничто; метод же здесь, как видим, полностью отвечает принятой программой: слушай и заслушайся... Любви к музыке обучить нельзя, любви вообще научить нельзя, любовью можно только заразить, любовью можно только возбудить. Но надо знать и приемы возбуждения любви — в этом состоит профессионализм учителя. Приемами обучения владеет каждый инструктор автодела, например. Однако он не учитель, он именно инструктор. Пример Кабалевского еще раз показывает нам, кто же сегодня учитель: тот, кто умеет и научить, и возбудить любовь. Обучение и возбуждение любви к предмету — это, по сути, и есть воспитание, потому что любовь сама по себе обладает огромной воспитывающей силой.

УРОК кончился триумфально: объединенным хором детей, родителей и гостей. Учителю преподнесли цветы, прочитали адрес: Д. Б. Кабалевского и его первого помощника Э. Б. Абдулина наградили грамотами; директор школы объявил приказ о том, что учителю Кабалевского представляется летний отпуск — только отпуск, потому что уроки музыки в 209-й школе не заканчиваются, как положено, в седьмом классе, они будут и в следующем году. Что есть высшая награда за все труды наши? Возможность продолжать наши труды.

С. СОЛОВЕИЧИК.